

**Игорь Васильевич
БЫСТРИЦКИЙ**

Что делают ОТЦЫ на ВАЗе?

Говорят, что автора этих стихов, ходивших во множестве списков и вариаций по заводу, пыталась найти (но так и не смогла) даже все знающая и всюду проникающая Контора Глубокого Бурения.

Рискнем не поверить, представляя, как умели там выполнять поставленную задачу. Другое дело, сами уже примелькавшие ребята из “конторы” при встречах на очередных масштабных мероприятиях интересовались: “А что там о новых вазовских поэмах слышно? Мы без подвоха. Любопытно почитать. Талантливый человек. Все и вся знает и на все свой взгляд”.

Вполне согласны. Не только стихи, но и нетривиальный взгляд на вещи и положения отличали всегда Игоря Васильевича Быстрицкого. Знавшего все “изнутри”. Много лет стоял он во главе одной из важнейших транспортных служб ВАЗа — железнодорожной.

А дальше уже талант, умение найти поэзию и “сюр” (вспомним Ахматову) в “соре” жизни.

“В свое время все руководители ВАЗа восхищались критическими памфлетами, появлявшимися немедленно после каждого заседания суженной дирекции, — написал много лет спустя автору В.Н. Поляков. — Памфлеты были хлесткими и били не в бровь, а в глаз”.

Во всяком случае, произведения И.В. Быстрицкого уже стали частью большой истории ВАЗа, с чем мы его и поздравляем. Найдя их вполне достойными пополнить страницы нашей книги.

Если нету “Жигулей” — значит, просто ты плебей

(Величальная)

Помнит кто-нибудь едва ли,
Как в степи мы пыль глотали,
Как геройски, что есть мочи,
Котлованы рыли ночью...
Но всегда любой из нас
Знал, что мы построим ВАЗ.
Много лет с тех пор промчалось,
Стройка бурно разрасталась.
Там, где были котлованы,
Встали зданья-великаны
И с конвейера пошли
Посекундно “Жигули”!
Знаменитый “АВТОВАЗ”
Поражает всех сейчас.
Мчится слава до небес
От невиданных чудес.
Сюда едет много люда
Посмотреть на это чудо,
Подивиться и поохать:
“Что ж? Сработано неплохо!”
Нашей “Ладе”, скажем прямо,
Не нужна теперь реклама
Каждый житель всей земли
Знает наши “Жигули”.
Кому надо и не надо
Покупают нынче “Ладу”.
Если грошей не хватает,
У кого-то занимают.
Могут даже не одну
Заложить в ломбард жену.
Будет грызть простой сухарь,
Но зато он с “Ладой” — царь!
Если нету “Жигулей”,
Значит, просто ты — плебей.
Словом, очень много люда
Покорило это ЧУДО.
Лишь бы ЧУДО вдруг не встало,

Пятки смазываем салом.
Встань конвейер хоть на миг,
Потеряешь сразу лик.
Заикаться будешь так,
Будто сызмальства дурак...
Драмтеатры — просто срам,
Где уж им до наших драм.
А порой простой вопрос
Хохот вызовет до слез.
Мы империей могучей
Жмем на всех, на всякий случай.
Нам нельзя стоять на месте,
Мы жуем подряд всех вместе.
На колени Скопино
Мы поставили давно.
Словно в клетке воробей,
Зачирикал Белебей,
Просто — как деликатес —
Проглотили Мелекес.
Сотни смежников, вся “рвань”
Нам покорно платит дань...
Эшелон за эшелон
Гонят нам металл со звоном.
Выгружали, как попало,
Но всегда орал: “Мало!”
Старый труженик — Урал,
Хоть кряхтел, но все ж давал.
Сотни ценных тонн металла
ЧУДО быстро поглощало,
А другие сотни тонн
Тихо сгнили под дождем.
Но, случалось, был скандал —
Люди гибли за металл.
ЧУДО глазом лишь моргнет —
Ввысь уходит самолет
За смолою иль за смазкой.
(Ну, скажите, чем не сказка?)
Всем известный “Крокодил”
Речь о “сказке” заводил...
Слава “Жигулей” в зените,
Мы ж по горло в дефиците.
Чтоб программу выполнять,
Запрещают даже спать.
Говорят, через ВОИР
Запретят ходить в сортир.
Скоро выйдет в свет приказ:

“Сделать кресло-унитаз,
Чтоб сидеть у телефона
Без отрыва от зловона...”
Научись скакать карьером,
Стать попробуй дипкурьером.
Притащи вагон из Бреста,
Колесо слепи... из теста
В миг решай больной вопрос,
А то “Лады” без колес!
Между тем, нам эти “Лады”
За границу сплавить надо.
Вот, любуйся своей “Ладой”.
Помни, женщин нам не надо.
Будут боли в пояснице —
Познакомишься с больницей.
Если скиснешь ты, дурак,
Ждут тебя инфаркт и рак.
Кой-кого уже не стало —
ЧУДО в рай их отправляло.
Кто же раю будет рад?
Пусть уж лучше АВТО-АД...

Уроки Полякова

Сядем, друг, давай с тобою.
Видно, хрен с ней, с сединою.
Есть что вспомнить, право, нам,
Наливай по сотне грамм!
Много лет уже промчалось.
Помнишь, как все начиналось?

...Как обычно, на рассвете
Ходят в школу наши дети.
Им ученый педагог
Каждый день дает урок.
Так и учатся юнцы.
А что делают отцы?
Телефонный аппарат
Прозвенит с утра стократ.
Сто вопросов, сто ответов,
Замечаний и советов.
Всенародный плебисцит
Вызывает дефицит.
Там вагоны не подали,

Там детали недодали.
 Некомплектные машины
 И спускающие шины.
 Там отсутствует металл,
 Там конвейер простоял...
 Словом, сводок океан
 Ты положишь в свой карман.
 Бросишь трубку телефона.
 Надо сделать кой-что дома.
 Заскочить бегом в сортир,
 Съесть горбушку и кефир.
 На ходу глотая корку,
 Все помчались на планерку.
 Вот заходят в кабинет,
 Чтоб держать за срыв ответ.
 Все садятся чинно в ряд,
 По порядку говорят...
 Про снабженческий бардак
 Скажет пару слов Чердак.
 В дефиците пряча лик,
 Чешет Санышев язык.
 Озираясь, словно вор,
 Ищет “рыжего” Майор.
 Надвигается скандал,
 У Тринько пропал металл.
 Как обычно, у Шпилева
 Грузы все в дороге снова.
 У Визгалова в момент
 Будут пленка и пигмент.
 Видно, три богатыря
 Ходят тройкою не зря.
 Так и сыпят, так и стелят
 И с утра всей тройкой мелят.
 Фомичев о срыве шепчет,
 КВЦ заказ калечит.
 Кто-то скажет про утиль.
 Цой с ушей стряхает пыль.
 Про барду Бурдо бурдит.
 С старой Терехов мудит.
 Вслед за ним Дружинин плачет,
 Запчастей не хватит, значит.
 Бородин напомнит всем —
 Нет погрузчиков совсем.
 У Малышина тягач
 По заводу мчится вскачь.
 Гайки славит, не краснея,

Представитель Белебея.
 Дни и ночи Булдаков
 Строит дом для мудаков.
 Костюченко принял кадры,
 А других уволил, пахло.
 Молчаливо, как уют,
 Просидит в углу Кислюк.
 За удавшийся аврал
 Ставит Голяс высший бал.
 И последний молодец
 Замолкает наконец.
 В ожидании оценки
 Слышно, как дрожат коленки.
 Генеральный очень строго
 Подведет тотчас итоги.
 Надаёт без кулаков
 Всем виновным Поляков.
 Даже тем, кто с “бородой”,
 Пригрозит большой бедой.
 Скажет слово эрудит
 Так, что в жопе холодит.
 За гальванику — Майору,
 Клопенкову — за моторы.
 Величанскому — за брак,
 Фомичеву — просто так.
 А за то, что ниппель плох,
 Получает мзду и Кох.
 Карнаухов — за анализ,
 Цой за то, что обосрались,
 А за то, что запоролись,
 Получает свое Борис.
 Даст Миронову разгон
 За дурацкий электрон.
 Даже трем богатырям
 Он нахлещет по ноздрям.
 Итальянский лишь сеньор
 Не получит в попу шпор...
 Поляков короткой речью
 Подстегнет всех, как картечью.
 Все, кто есть, и млад, и стар,
 Получают скипидар.
 Вылетают все с планерки
 Точно после мощной порки.

...Как обычно, на рассвете
 Пробудятся наши дети.
 На урок спешат юнцы.
 А что делают отцы?

Вечерня

Каждый вторник в восемнадцать,
 Позабыв про все дела,
 В лимузинах шефы мчатся,
 Закусивши удила.
 Как их много! Кто их гонит?
 Иль зовет на ратный бой?
 Просто в этот день в законе
 Генеральный мордобой...
 Здесь, как все в приличной драме,
 По сценарию идет:
 Голяс скажет о программе,
 Борис фирмам счет ведет.
 Миклюков доложит сразу,
 Что дела плохи с КАМАЗом.
 Обратить вниманье треба
 На изделия ширпотреба.
 Вот Касатиков уже
 Речь ведет о монтаже,
 “А тепло запустим летом” —
 Замечает он при этом.
 Бородин ремонт прославил,
 Снег у Шимины растаял —
 Только в кровле, вот беда,
 Защемилася вода...
 Казанджян ведет рассказ
 И про серу, и про газ...
 “А к весне, — промолвил он, —
 Я куплю насосы “Гном”.
 “Жалоб нет, рабочий сыт, —
 Заявляет Общепит, —
 Правда, только иностранцы
 Недовольны — вот засранцы!”
 Дробышев же, как обычно,
 Транспорт требует приличный,
 У Бурганова вода
 Побежала не туда.
 Продолжает разговор
 Самых первых шефов хор...

И уверенно, и сжато
 Строит свой доклад Фаршатов.
 Он с отеческой заботой
 Оценил коллег работу.
 В СКП большой бордель,
 Не идет одна модель,
 Нитка третья стоит —
 Так Пеньковский говорит.
 Барахлят конвейера,
 Но дадим мы план — “Ура!”...
 В Прессовом сплошной завал:
 “Шуллер” встал, и “Мюллер” встал!
 То не хитрость, не уловка —
 Нету тары под штамповку.
 В КВЦ одни напасти.
 Нет отливок под запчасти.
 Щежин Трубкина стыдит,
 Тот — “согласен” — говорит.
 Все согласны, все причастны,
 К сожаленью, лишь безвластны...
 Власть пока сидит, молчит...
 Там Тринько еще ворчит.
 Про Госплановские нормы
 Он опять твердит упорно,
 А столярку, трубы, лес
 Отфутболил в КГС.
 Накалились сильно страсти —
 Наступил черед для власти.
 План — закон, мы все за план,
 Не ссылайтесь на Госплан!
 Дайте Трубкину металл,
 Чтоб икру он не метал,
 А Каданникову — тару,
 Или вам добавить пару?
 Казанджян, примите ЛЭП,
 А то Дробышев ослеп.
 Голясу при тарном буме
 Поработать надо в ГУМе.
 Хитрый Щежин где-то сцапал
 Индульгенцию от Папы.
 Ей теперь закрыться хочет
 От заказов и от прочих.
 Мы нередко в кулуарах
 Рассуждаем о пожарах,
 Но скажу в последний раз
 Кто сгорит — получит в глаз...

Вот такое дело, брат...

(Сказ про ВАЗ, и рай, и ад)

1

Хочешь — верь, а хочешь — нет,
 Как-то в Рай нашел я след.
 Потоптался у порога.
 Буркнул страже: “Я — до Бога”
 И, махнув на все рукой,
 Влез в божественный покой.
 Бог привстал: “Ах ты, зараза,
 Ты откуда?” “Я-то? С ВАЗа!”
 Только вымолвил, и вмиг
 Побелел владыки лик.
 Бог заерзал: “Это ж надо!
 Как ты в Рай попал из Ада?
 Как ты влез сюда, глиста?
 На тебе же нет креста!
 Как тебя впустила стража?”
 (Да наотмашь мне... как вмажет!)
 Я ему: “Ну что ты, Боже?
 Все же гостя бить негоже.
 Чем же я тебе не люб?
 (Да и сплюнул на пол зуб)
 Что ты злишься в самом деле?
 Угостил бы?... Побалдели б?..
 Ты же тычешь кулачишкой,
 Ты же Бог, а не мальчишка...”
 Бог, известный по иконам,
 Отыскал пузырь за тронном.
 И без лишних проволочек
 Дверь захлопнул на крючочек.
 А потом в беседе нашей
 Стал я звать его “папашей”.
 Говорю: “С таким-то тронном
 Аль живешь ты по талонам?
 Может, в блат вцепился стойко?
 Да и как тут с перестройкой?”
 Ну а Бог не дует в ус:
 “Тут, в Раю, не нужен УРС...
 В нашем Райском Комитете
 Есть все то, что есть на свете.
 Если б не было РАЙкома,
 То и Бога сняли б с трона.

Нам до фени перестройка.
 Рай есть рай, а не помойка!”
 Говорю ему: “Отец,
 Дай примерить твой венец.
 Может, в этом ореоле
 Я облегчу ВАЗу долю?”
 Лишь услышал Бог про ВАЗ,
 Бородою вновь затряс!
 Снова молнии и громы
 Полетели грозно с трона:
 “Знаю вашу я утробу!
 Даже негде ставить пробу!
 Лишь в снабжении немного
 Уповают все ж на Бога...
 Остальных нельзя учесть,
 Норовят друг друга съесть!”
 Говорю ему: “Папаша,
 Такова уж жизнь наша...
 Вот тебе... не надоело
 Здесь, в Раю, торчать без дела?
 Не к лицу тебе, бедняге,
 Ездить в старой колымаге.
 Я тебе, богатырю,
 Хочешь, “Ладу” подарю?”
 Телефон я тут хватаю,
 Номер сбыта набираю.
 “Так и так, — кричу, — мой сладкий,
 Я из Рая, все в порядке.
 “Ладу” шли скорей в дорогу,
 Прямо в Рай и прямо Богу...”
 Бог потрогал за затылком
 И промолвил мне с ухмылкой:
 “Мы Великое Ученье
 Излучаем, как свеченье.
 Мудрецы из мудрецов
 Учат жить вас, подлецов.
 Как рожать, как поле сеять,
 Как начальников лелеять,
 Что читать, куда ходить
 И как надо Бога бдить...”
 Я ему, прищуря глаз:
 “Вас бы всех туда — на ВАЗ!
 Как не стыдно властелину
 Уподобиться кретину?
 Мне бы власть твою, папаша,
 Заварил бы сразу кашу,

Чтоб не знал нужды народ,
 Заодно и мой завод...
 Нет в тебе хозяйских жил,
 “Ладу” ты не заслужил!”
 Слов не стало мне хватать,
 Перешел на богомать,
 Да и зуб-то было жалко:
 Выбил мигом, словно палкой.
 Бог вскочил тут разъяренно
 И ко мне метнулся с трона.
 “В ад, — орет, — нахала в ад!”
 И лягнул меня под зад...

2

Я исчез, как провалился,
 С темнотою жуткой слился.
 Вдруг увидел — надо мною
 Кто-то встал с большой косою.
 Проскрипели чьи-то кости:
 “Это кто пришел в нам в гости?”
 Я вскочил от страха разом:
 “Не узнала, что ли? С ВАЗа!
 Принимай парней лихих!”
 (Да как суну ей под дых)
 Смерть согнулась, шепчет глухо:
 “Пожалей, не бей старуху”.
 “То-то, — ей сказал я нагло, —
 Ну, веди по Аду, падла!
 Ну-ка, где тут Главный Бес?”
 “Да вон в тот котел залез...
 Слышишь визг? Кипит там парка —
 Ежедневная планерка...”
 Вижу — Главный Бес дубиной
 Лупит кой-кого по спидам.
 “Ишь, открыли плембисцит!
 Я вот дам вам “дефицит”!
 Без металла всем хана!
 Где жаровни, Сатана?
 Отвечай-ка, Вурдалак,
 Кто в Аду развел бардак?
 Ведьму выпороть при всех —
 Снова рвем на экспорт грех!”
 (Главный Бес исходит рыком)
 Крикнул я: “Эй, ты, владыка,
 Закрывай-ка свой базар,
 Да поветри, здесь угар!”

Замолчали черти разом:
 “Кто такой?” — “Как кто? Я с ВАЗа!”
 Тут их всех как ветром сдуло,
 И в котле не слышно гула.
 Главный Бес в углу у стенки
 Повалился на коленки.
 “Пощади, — сказал он, — брат,
 Не губи наш адский Ад!”
 Разозлился я, психую
 И ему приказ диктую:
 “Разрази тебя проказа,
 В Ад не брать людей от ВАЗа!
 Тяжело им там в бою,
 Отдохнут пускай в Раю...”
 Бес залыбился, как май:
 “А зачем, браток, им Рай?
 Тут в Аду им все знакомо,
 Здесь они почти как дома.
 Там в Раю — одна улада,
 А у нас вариться надо.
 Не отыщешь и не стащишь,
 Лишь на все глаза таращишь.
 Даже ступу баб-яги
 Взять без списков не могли.
 От Великого Ученья
 И в Аду одни мученья...
 Так что, брат, храни терпенье,
 Рай для ВАЗа — не спасенье...”
 Говорю тогда я Бесу:
 “Верно, нет там интересу.
 Но нужны, учти, до смерти,
 Там, на ВАЗе, ваши черти.
 Чтобы пулею летать,
 Дыры чертовы латать,
 И найти, хоть в бездне ада,
 То, что надо и не надо!”
 Бес сощурился лукаво:
 “Ну, к чему вопросы, право?
 Там у вас особый псих
 И чертей полно своих.
 Хоть на ВАЗе всяких много,
 Каждый черт похож на Бога.
 Хоть хвали вас, хоть ругай,
 Вам доступны ад и рай.
 Так что, брат, не обессудь,
 И давай в обратный путь!”

3

Шел домой — на ВАЗ — я смело,
 Рай направо,
 Ад — налево,
 Мне махали дружно черти,
 Слезы капали у Смерти.
 От бессилия иссох,
 Кулаком грозился Бог..
 “Здравствуй, ВАЗ, мой рай и ад!”
 .....
 Вот такое дело, брат!

А я бегу...

Когда рассвет моргнет несмело
 И в позевоте рвется рот,
 Бегу из дома очумело
 На свой прославленный завод.
 И подмигнет автобус фарой,
 И двери настезь распахнет:
 “Входи, неюный и нестарый,
 Помчим скорее на завод”.
 Поет мотор свои куплеты,
 Молчит наполненный салон,
 А рядом едет без билета,
 Как заяц, предрасветный сон.
 Вот пропуск вынут из кармана
 И я бегу, не чуя ног.
 На проходной стрелок охраны,
 Смясь, берет под козырек.
 Веселым, звонким ритмом марши
 Из репродукторов гремят.
 Те, кто погонями постарше,
 Еще в постели теплой спят.
 Плечо к плечу. Мы все, как братья.
 Нам всем с заводом по пути.
 Он примет всех в свои объятия
 И не отпустит до пяти.
 ...И вот уже, прощаясь, розы
 С газонов машут головой.
 Как от хмельной веселой дозы
 Уставший, ты спешишь домой.
 А, уходя, проверь карманы,
 Хоть ты — трудяга, а не вор,

Тебя ощупает охрана,
 Чтоб ты чего-нибудь не спер.
 Автобус штурмом, словно Зимний,
 Берем без пушек и мортир,
 И уплываем в вечер синий,
 В мир быта с множеством квартир.
 Горланим хором, всем вагоном,
 И снова всем нам по пути.
 А тем, кто старше по погонам,
 Еще нельзя домой уйти.
 А после ужина и чая
 Придет желанная пора.
 Сон безмятежный предвкушая,
 В кровать свалиться до утра.
 Пусть не ворчат порою жены,
 Не видя мужьей ласки год,
 Все клетки тела заряжены
 Лишь на прославленный завод.
 Вот сон свое закончил дело,
 Конца моим делам лишь нет.
 ...Опять из дома очумело
 Бегу в предутренний рассвет.

Автоград

Нет, совсем не воля божья,
 Хоть ее умножь стократ,
 Возвела среди Поволжья
 Новый город — Автоград.
 По чьему-то приказанью
 Дал ему какой-то псих
 Итальянское название,
 Словно не было своих.
 Да, тащили мы с “Фиата”
 Их конвейерный поток,
 Но, однако, не по благу,
 А за золота мешок.
 И мозоль взаимы не брали,
 Наш Иван и сам герой.
 У себя мы воровали
 Отдых свой и свой покой.
 И завод машину — выдал!
 Как рекорд, как эталон!

Поляков был Бог и Идол,
 Всю Россию взяв в полон.
 Автограду за старанье,
 Ясно даже и юнцу,
 Поляковское название
 Было больше бы к лицу.
 ...Мы заерзали всей стаей,
 Как пришла однажды весть —
 Сам генсек с подругой Раей
 Оказать решил нам честь.
 Нас с завода смыли скоро,
 Школы мигом на замок,
 Лишь бы только горы сора
 Не торчали вдоль дорог.
 Претворяя ускоренье,
 Убирая грязи слой,
 Мы показывали рвенье,
 Подкрепленное метлой.
 И рабочий, и старуха
 Облизали все окрест.
 О, живуча показуха,
 Хоть ее и драил съезд.
 Ну, а нам не до оваций,
 Рой хвалебный отгудел.
 Видно, срок реанимаций
 Выше всех текущих дел.
 Пусть смеется злопыхатель:
 Мол, опять чума сквозь пир.
 “ВАЗ теперь законодатель
 Автомоты на весь мир!”
 В лихорадке стали думать,
 Ну-ка, выручи, Иван,
 Как япошек переплюнуть
 Через Тихий океан?
 Тут, играючи, со смехом,
 Не вотрешь очки, как встарь,
 И зачем он к нам приехал,
 Словоблудный секретарь?
 Завозились мы всей стаей
 Строить замки на песке.
 А генсек уехал с Раей,
 Оставляя нас в тоске.
 Но, отмывшись позже в бане,
 Глотки драл, смеясь народ:
 “Как на Тихом океане
 Мы закончим свой поход?..”

...Вот авансами награды
 Шлет Громыко на завод.
 Мы медалям, ясно, рады,
 Но до них ли средь забот?
 Пусть лежат пока в сусеке.
 Ведь на ВАЗе, знает всяк,
 “Лады” замерли на треке
 Без каких-то железяк.
 До генсека и до Раи,
 Может быть, дойдет наш вой.
 Янок там иль самураев
 Догонять нам не впервой.
 Стала яростною мода
 На бессмысленный пинок.
 Вот и Папа наш с завода
 Тихо канул за порог.
 И облаян, и обгажен...
 Под партийный злобный шмон
 Был на пенсию спроважен,
 Словно выжатый лимон.
 Не чета всем пустозвонам,
 Он родил России ВАЗ.
 Поляков на зло всем гномам
 Был и есть отцом для нас.
 Оттого и скажем снова
 Справедливо, без прикрас
 Только имя Полякова
 Автограду в самый раз!
 ...Хоть психую, как зараза,
 Я — за эту круговерть.
 Принимал я роды ВАЗа,
 Пусть мою он примет смерть.
 Пусть тепло моих объятий
 Не развеет листопад...
 Я люблю тебя, Тольятти,
 Поляковский Автоград!